

DOI 10.15826/qr.2016.3.184

УДК 94(470-25)"18/2"+355.48(44:47)"1812"+929Наполеон(44)+1+316.472

МОСКВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА*

Владимир Земцов

Уральский государственный педагогический университет;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MOSCOW UNDER NAPOLEON: THE SOCIAL EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE**

Vladimir Zemtsov

Ural State Pedagogical University;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article is devoted to social aspects of cross-cultural contacts during the Napoleonic occupation of Moscow. A wide documentary base developed over two centuries allows us to define the forms and mechanisms of contact between the representatives of different cultural, ethnic, and social groups in a devastated urban environment. Serious differences between the actions taken by the various groups of Moscow's population were already evident before Russian troops left the city. The upper classes tried to abandon the city, leaving only their servants to guard assets: meanwhile, many representatives of the middle strata, including foreigners, could not afford such a course of action. They remained in the city, primarily to defend their houses and belongings: however, their actions could also be dictated by family circumstances and a sense of professional/public duty. The lower classes of the Russian capital were even less capable of leaving the city. Their mood quickly changed from patriotic exaltation, coupled with drunkenness and looting, to open hostility towards

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (проект № 16-18-10041).

** Citation: Zemtsov, V. (2016). Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 217–234. DOI 10.15826/qr.2016.3.184.

Цитирование: Zemtsov V. Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 217–234. DOI 10.15826/qr.2016.3.184 / Земцов В. Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 217–234. DOI 10.15826/qr.2016.3.184.

the authorities and 'masters' who had 'betrayed' them. A special category was made up of the sick and wounded Russian soldiers, some of whom were left to the mercy of the invaders because there was no opportunity to move them. Many of these people had no choice other than to face the cruelty of their fate, although those who managed to travel often engaged in robbery and looting. The actions of the Moscow mayor were largely determined by the desire to erect an insurmountable barrier between the European soldiers who occupied the capital and those residents who remained. Indeed, a great fire, which began on the evening of 14 September, and widespread looting and violence destroyed the contacts between the occupiers and the local population. After returning to the Kremlin on 18 September, Napoleon gave orders to systematically plunder Moscow. This caused even greater alienation between the people of Moscow and the troops occupying it. However, Moscow residents also had to anticipate the reestablishment of Russian control, which principally entailed maintaining their lives and property intact. This determined the features of future intercultural contacts and cross-cultural dialogue. This is the first part of the article.

Keywords: Patriotic War of 1812; Moscow in 1812; Napoleon; foreign occupation; intercultural dialogue; Napoleon's Russian Campaign.

Статья посвящена социальным аспектам межкультурных контактов в период наполеоновской оккупации Москвы. Широкая документальная база, сложившаяся за два столетия, позволяет выявить проявление противоречий и увидеть формы и механизмы налаживания контактов между представителями разных культурных, национальных и социальных групп в условиях разоренной городской среды. Серьезные различия в действиях различных групп московского населения проявились уже накануне оставления русскими войсками первопрестольной. Если верхи общества постарались покинуть город, оставив свою челядь для охраны имущества, то представители средних слоев, включая иностранцев, далеко не все могли это себе позволить. Их задерживали в городе необходимость сберечь дом и скарб, семейные обстоятельства, а нередко и чувство профессионального и общественного долга. Еще менее имели возможности, а то и желания выехать социальные низы, настроения которых быстро менялись от патриотической экзальтации, соединенной с пьянством и грабежами, до открытой враждебности к предавшей их власти и «господам». Особую категорию составляли больные и раненые русские солдаты, часть из которых, будучи нетранспортабельными или просто «забытыми» и оставленными на произвол оккупантов, должны были смириться с жестокостью своей судьбы, либо, имея возможность передвигаться, заняться разбоем и мародерством. Смысл действий московского градоначальника во многом определялся стремлением воздвигнуть непреодолимую преграду между солдатами Европы и теми, кто оставался в Москве. Грандиозный пожар, начавшийся вечером 14 сентября, а также грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся было контакты между оккупантами и местным населением. После возвращения 18 сентября Наполеона в Кремль он отдавал приказы, по сути, санкционировавшие организованный грабеж города. Наступил период еще большего отчуждения между жителями

Москвы и оккупировавшими ее войсками. Однако перед Наполеоном с неизбежностью вставала задача вступления в контакт с императором Александром, а перед оставшимися в Москве жителями – спасения своих жизней и оставшегося имущества. Это и предопределило особенности дальнейших межкультурных контактов и даже кросскультурного диалога. В этом номере публикуется первая часть статьи.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Москва в 1812 г.; Наполеон; иностранная оккупация; межкультурный диалог; Русская кампания Наполеона.

Спустя много лет после пережитых им в Москве страшных событий 1812 г. Иоганн Амвросий Розенштраух, немец, осевший в России, вспоминал о последних днях перед вторжением в первопрестольную наполеоновской армии:

Мой кучер, молодой дерзкий парень с сатанинской физиономией, собирал... что ни день на нашем дворе толпу разделявших его взгляды молодцов, с которыми он занимался военными упражнениями. Он часто говорил им, что все наконец переменится, крепостные станут господами, а прежние господа или будут убиты, или должны сделаться мужиками [Розенштраух, с. 227].

О подобных примерах обострения социальной ненависти крестьянства и городских низов в отношении прежде всего «московских иностранцев» перед сдачей Наполеону первопрестольной вспоминали многие современники. Но, как ни странно, социальной истории наполеоновской оккупации Москвы посвящено совсем мало работ. Бегло, часто в иллюстративном плане эта тема была затронута в эпоху «великих реформ» А. Н. Поповым [Попов], в начале XX в. писал об этом В. И. Семевский и другие авторы семитомника «Отечественная война и русское общество» [Семевский; Отечественная война, т. 4], в начале 1970-х гг. этим проблемам посвятил статью А. Г. Тартаковский [Тартаковский], а в наше время на них остановился американский историк А. Мартин [Мартин, 2012; 2015]. Между тем, социальные аспекты истории оккупированной Наполеоном Москвы теснейшим образом переплетены с проблемами кросскультурной коммуникации в ситуациях длительного социального стресса. Помимо того, что среди оставшихся в сентябре-октябре 1812 г. в Москве жителей большую долю составляли «московские иностранцы» (в основном выходцы из Франции и германских государств), сама армия вторжения являла собой как разноплеменный, так и социально неоднородный организм, взаимодействие между элементами которого отличала чрезвычайная противоречивость. Как следствие, в условиях крайне тяжелых обстоятельств, сложившихся в сгоревшей Москве, обострились противоречия самого различного характера и уровня: социальные, межна-

циональные, профессиональные и даже те, которые можно отнести к области взаимодействия природы и человека.

К настоящему времени в распоряжении исследователя имеется огромный корпус разнообразных материалов, накопленных исторической наукой за два столетия. Прежде всего это источники личного происхождения – дневники, мемуары и воспоминания [Андреев; Бургонь; Домерг; Жданов; Surugue; Castellane; Domergues; Fantin des Odoards и др.], письма [АВПРИ; РГАДА; Lettres interceptées; и др.] и даже такие материалы, которые сегодня принято относить к «устной истории» [Толычева, 1872; 1912]. Они дополняются делопроизводственной документацией разного уровня, связанной в том числе и со следственными действиями российских властей после завершения оккупации [ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110; Москва и Отечественная война]. По нашим подсчетам, материалы дают возможность реконструировать действия и выяснить с разной степенью точности мотивы поступков двух десятков представителей верхов русского общества, оставшихся в Москве; примерно такого же числа высших чинов Великой армии; более сотни русских, отнесенных нами к среднему городскому слою (чиновники, начиная от титулярного советника и заканчивая статским советником; офицерские чины гвардии, армии и полиции, и члены их семей; купцы и их домочадцы; профессора, врачи и т. д.); трех десятков офицеров и военных чиновников армии Наполеона; более 80 «московских иностранцев», которых также следует отнести к среднему городскому слою; более 40 человек, занимавших должности приказчиков, старост, чиновников низших классов, канцеляристов, лекарей, а также унтер-офицеров и мещан; до десятка лиц сержантского состава наполеоновской армии; более трех десятков представителей русского духовенства, от настоятелей и настоятелей монастырей до причетников и монахов; примерно трех десятков лиц из простонародья (слуги, дворовые, крепостные, «вечноцеховые», вольноотпущенные и т. д., представлявшие низы столицы), не включая сюда коллективные действия толпы, как русской, так и мародерствующих солдат армии вторжения. Особые категории составили старообрядцы, модистки, проститутки, уголовники, евреи, по которым также имеется информация, хотя и очень отрывочная. Наконец, в исключительных, наиболее неблагоприятных обстоятельствах оказались раненые, прежде всего русской армии.

В начале 1812 г. в Москве, по данным полиции, насчитывалось 270 184 жителя (157 152 мужского пола и 113 032 женского пола). В полицейских документах давалась численность и по отдельным категориям населения: духовенства – 5 104 чел., дворян – 17 442 чел., военных – 13 891 чел., купцов – 19 124 чел., мещан – 18 138 чел., дворовых людей – 80 540 чел., «всех прочих сословий» – 106 945 чел. [ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 160. Л. 3]. Однако, по убедительному мнению А. Г. Тартаковского, численность населения Москвы к лету 1812 г. должна была заметно уменьшиться за счет «сезонных жителей» –

помещичьих и государственных крестьян, которые приходили в столицу с поздней осени до весны на заработки для уплаты оброка и казенных податей [Тартаковский, с. 237]. Кроме того, А. Г. Тартаковский, опираясь на списки жителей Москвы, составленные летом 1813 г. для выявления тех, кто находился в Москве в период оккупации, и имея данные по 12 из 20 полицейских частей города, остановился на примерной цифре в 6 189 чел. [Тартаковский, с. 361–368]. Несмотря на то, что у нас имеются серьезные сомнения даже в относительной точности подобной цифры (полагаем, что в Москве без учета русских раненых и больных солдат осталось не менее 10 тыс. чел.), мы все же вынуждены принять расчеты А. Г. Тартаковского в отношении пропорциональной зависимости между числом оставшихся в Москве жителей и общей массой населения первопрестольной по отдельным социальным категориям. Согласно Тартаковскому, удельный вес крестьян во время оккупации понизился с 60,2 до 27 % населения, что было связано с их сезонным пребыванием в городе; удельный вес дворовых также понизился с 36,8 почти до 22 %, но в общей массе крестьян, бывших в Москве при французах, их доля сильно возросла и достигла 81,3 %. Заметно повысился в общей массе оставшегося в Москве населения удельный вес духовенства – с 2,1 до 10,7 %, в основном за счет служителей культа низшего звена, в то время как высшие иерархи поголовно выехали. Вырос удельный вес купцов – 12,4 вместо 6,6 % до начала оккупации, мещан – 17 вместо 5,5 %, разночинцев – 6,6 вместо 1,4 %, цеховых – 5,5 вместо 3,5 %. Резко увеличился удельный вес иностранцев в оккупированной Москве – с 1,1 до 8 % [Тартаковский, с. 361–368].

Попытаемся соотнести данные, предложенные А. Г. Тартаковским, с конкретными обстоятельствами, зафиксированными в источниках и предопределившими причины отказа людей от выезда из Москвы. Начнем с членов московского муниципалитета, созданного позже наполеоновской администрацией. Купец 2-й гильдии Г. Н. Кольчугин, обремененный большим семейством, включая восемь детей, объяснял свое решение несколькими причинами. Во-первых, сыграли свою роль «уверения начальства через печатные афишки» (афиши московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина), что Москва не будет сдана. Во-вторых, паспорта на выезд было решено выдавать только женам и детям. В-третьих, его держала в городе болезнь отца. В-четвертых, у него самого (а также и у отца) было в наличии казенного товара на 50 тыс. руб., а на руках как у гоф-маклера Коммерческого банка находились документы на очень значительные суммы. В-пятых, он располагал большим собственным движимым и недвижимым имуществом, которое невозможно было вывезти [Кольчугин, с. 46].

А. Д. Бестужев-Рюмин, надворный советник, служивший в Вотчинном департаменте, остался в Москве с целью сохранения департаментского архива, находившегося на третьем этаже Сенатского здания в Кремле, который не был своевременно вывезен из города. Ему пришлось оставить в Москве и семейство (жену, 12-летнего сына

и младенца семи недель) и перевезти его в здание архива [Бестужев-Рюмин, с. 367–368]. Иван Кульман, надворный советник, старший штаб-лекарь Московской управы благочиния, «не будучи извещен полицией о сдаче Москвы... остался в городе» [Наполеон в России, с. 72]. Остался на своем посту и главный надзиратель воспитательного дома 60-летний статский советник И. А. Тутолмин, на попечении которого было 1 125 воспитанников и воспитанниц младше 11 лет. По секретному распоряжению вдовствующей императрицы Марии Федоровны, августейшей покровительницы богоугодных заведений, этих детей было решено оставить до того момента, «пока опасность не станет неизбежной» [ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 79]. В течение августа И. А. Тутолмин ежедневно осведомлялся у Ф. В. Ростопчина о положении дел. Однако вплоть до самого последнего момента – до вечера 1(13) сентября, когда стало известно о решении русского командования оставить столицу, Ростопчин убеждал Тутолмина в отсутствии явной опасности и тянул с эвакуацией.

Решая служебные вопросы, не смог выехать из Москвы вовремя протоиерей Кавалергардского полка М. Грацианский (Гратинский) и был 2 сентября (по старому стилю) «окружен на Никитской» с двумя чемоданами, в которых находилась церковная утварь, да еще и в сопровождении дьячков в военных мундирах [Рапорт, с. 732].

Остался один с престарелой матерью «для сохранения дому своего» неизвестный автор воспоминаний о московском пожаре (повидимому, из среднего слоя городских обывателей) [Долгова, с. 32]. Вполне убедительно о настроениях москвичей из этой среды вспоминал А. Алексеев, сын купца, которому в 1812 г. было 22 года:

У нас из соседей как есть никого не осталось. Иным и уйти некуда, а говорят: «Все равно, авось Господь не оставит, хоть Христовым именем кормиться станем...» А матушка-покойница говорит: «Хорошо так толковать, кто один душой, а у нас, Андрюша, трое сирот, куда мы с ними пойдем? Опять же и свое добро на разграбление покинуть не приходится. Останемся здесь на власть Божию» [Толычева, 1912, с. 24–25].

Получил разрешение от начальства остаться в городе П. В. Коленин, помощник квартального надзирателя. Помимо того, что он был обременен семейством, им двигало желание сберечь свое немногочисленное добро, которое надо было получше спрятать (добро он так и не сберег) [Толычева, 1872, с. 7]. Прибыл в Москву незадолго до сдачи города отставной титулярный советник Х. Донорович, дабы забрать малолетнюю дочь, но задержался, «а потом не имел способов выехать» [ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563. Л. 20, 22—22 об.].

Подобными обстоятельствами объяснялись и причины невъезда многих «московских иностранцев». Не смог достать лошадей «ни за какую цену» «и принужден был остаться в Москве» купец И.-А. Розенштраух, который к тому же «не мог оставить товар», так как впол-

не логично посчитал, что в дороге ему следовало ожидать не меньше опасностей, чем в городе [Розенштраух, с. 224, 226]. Оказалась в Москве одна с маленьким сыном жена А. Домерга, главного режиссера французского московского театра, который в числе 40 «подозрительных» иностранцев был арестован и выслан из города Ф. В. Ростопчиным [Земцов, 2010, с. 120–124]. Остался на своем посту кюре французской церкви Святого Людовика аббат А. Сюрюг с твердым намерением сохранить храм и помочь нуждающимся. Даже Ф. Виллерс, преподаватель французского языка, магистр Московского университета, содержатель учебного пансиона, принявший при оккупантах должность обер-полицмейстера, остался в Москве, по-видимому, из-за недостатка средств для вывоза имущества и детей.

Но вот у городских низов, почти поголовно принадлежавших к русскому населению, мотивы остаться, как правило, были иными. Во-первых, они не обладали практически никакой собственностью, которую хотели бы обезопасить. Во-вторых, немало было тех, кто надеялся поживиться за счет оставляемого в Москве отъезжавшими жителями добра (и последующие события это показали). В-третьих, как, к примеру, вспоминал мещанин П. Кондратьев, остались и те, «кому некуда было идти» [Толычева, 1872, с. 18].

Если в Москве во время оккупации было, по нашему мнению, не менее 10 тыс. жителей, то раненых и больных солдат в ней оказалось еще больше – от 10 до 15 тыс. чел. [Zemtsov]. В условиях поспешного отступления, расстройств тыловых служб, пренебрежения ряда чинов своими обязанностями большую часть нетранспортабельных раненых пришлось оставить в Москве фактически на произвол судьбы. К. Ф. Г. Клаузевиц, состоявший в те дни квартирмейстером 1-го резервного кавалерийского корпуса, вспоминал:

Самое тягостное зрелище представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут. <...> Все эти несчастные были обречены на смерть [Клаузевиц, с. 85].

Немалая доля вины за то, что от 10 до 15 тыс. беспомощных русских раненых были оставлены в Москве, лежит на Ф. В. Ростопчине. Всю вторую половину августа он, будучи занят изобретением все новых и новых способов поддержания в простонародье «патриотического возбуждения» и выискиванием среди «московских иностранцев» затаившихся врагов Отечества, вынашивал замысел поджога и уничтожения Москвы. При этом инспирированное Ф. В. Ростопчиным преследование «московских иностранцев» привело к тому, что среди простонародья стали составляться заговоры с целью массового избиения оставшихся иностранцев и разграбления их имущества [Земцов, 2010, с. 35]. Между тем, сам Ф. В. Ростопчин, бросив 2 (14) сентября на растерзание толпе купеческого сына М. Н. Верещагина, обвиненного им в измене Отечеству, благополучно отбыл из столицы.

То же успели сделать и многие представители высших слоев. Мещанин П. Кондратьев вспоминал:

Сперва-то народ роптал, что господа выезжают, а его выдают без защиты неприятелю... Начальство даже боялось, как бы от своих каких бед не произошло. Иные дворяне от страха наряжались в женское платье, а бакенбарды подвязывали, будто зубы болят, да так и выезжали из города... Сильно тогда все серчали на графа Ростопчина [Толычева, 1872, с. 17–18].

Кондратьеву вторит купец Г. Н. Кольчугин:

Начальство московское и полиция с 1-го на 2-е сентября в ночи все выбыло из города, оставя нас на произвол судьбы [Кольчугин, с. 47].

Выехали из Москвы и все иерархи русской православной церкви, не оставив своим подчиненным никаких ясных указаний насчет их действий.

2 (14) сентября во второй половине дня армия Наполеона начала входить в Москву. Казаки русского арьберггарда и французские кавалеристы, вступавшие в Москву первыми и двигавшиеся за ними по пятам, несколько раз смешивались между собой, при этом не только не проявляя вражды друг к другу, но и всячески демонстрируя приязнь и уважение. Когда голова французского авангарда, передвигаясь по улицам, проезжала через рынок, кавалеристы увидели открытые двери лавок. Перед дверями на улице валялись разбросанные в беспорядке товары, словно «здесь хозяйничали грабители» [Роос, с. 144]. Действительно, город уже второй день подвергался разгрому. Кем?

Через много лет бывший крепостной Василий Ермолаевич так вспоминал об этом:

Перед самым тем временем, как вступил француз в Москву, приказано было разбивать в кабаках бочки с вином. Народ-то на них и навалился, перепились пьянехоньки. Вино течет по улицам, а иные припадут к мостовой и камни лижут. Драки, крик! [Толычева, 1912, с. 68].

1 (13) сентября, как писал в ноябре 1812 г. чиновник почтамта А. Карфачевский, по улицам прохаживались «одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках» [Шукин, ч. 5, с. 165]. В донесении Синоду товарища директора Московской синодальной типографии П. Левашева читаем:

Второго числа, видя, что караулы в городе на гауптвахтах, притинах¹ и у будок сняты, чернь в буйстве своем таскает по улицам мертвое тело [М. Н. Верещагина?] и чинит разные беспорядки. <...> [Работники типо-

¹ Притин – место, где ставится часовой.

графии], вместе с чернью разбивая питейные дома, приходили в нетрезвом состоянии и приносили из арсенала ружья и сабли. Дерзость некоторых из них до того доходила, что они бегали по двору типографскому с обнаженными саблями и заряженными ружьями и изрыгали непристойные слова [Дубровин, с. 265–266].

«В это время можно было бояться русских мужиков более, нежели французов», – вспоминал воспитанник пансиона Г. Я. Козловский [Козловский, с. 113].

«Я сейчас видел, что по улицам пьяные таскают мертвое тело», – с ужасом сообщил А. Д. Бестужеву-Рюмину чиновник Вотчинного департамента [Бестужев-Рюмин, с. 369]. Чуть позже Бестужев-Рюмин, стоя у окон сенатского здания, увидел стычку этой пьяной толпы, тем временем уже бросившей тело несчастного Верещагина, с входившими в Кремль французами.

Один из участников этой стычки, офицер из свиты И. Мюрата, командующего резервной кавалерией Великой армии, рассказывал об этом через два дня с нескрываемой злобой пленному русскому офицеру В. А. Перовскому:

Это была толпа вооруженных жителей; выстрелы ранили несколько человек из свиты короля; не успели еще опомниться, как отчаянные с криком «Ура!» бросились на французов... Один большой сильный мужик бросился на него, ударил штыком в ногу, потом за ногу стащил с лошади, лёг на него и начал кусать в лицо; старались его стащить с офицера, но это было невозможно, на нём его и изрубили... Искусанный француз с негодованием уверял меня, что от мужика пахло водкой... Французы принуждены были выдвинуть два орудия и выстрелить по толпе несколько раз картечью; последние сии защитники Кремля все были побиты [Перовский, с. 1036].

Патриотическая экзальтация народной толпы натолкнулась на организованную силу и была моментально сломлена.

Добропорядочные москвичи в те трагические часы больше опасались «народных» погромов, чем вступавшего в первопрестольную неприятеля. Особенно сильный страх перед разгулом «народного патриотизма» испытали «московские иностранцы»:

Двери и подвалы кабаков были разнесены, и водка лилась по улицам. Чувство ужаса охватило иностранцев и мирных граждан, которые остались и теперь оказались в городе без полиции, без какой-либо администрации, будучи покинутыми и оказавшиеся во власти людей порочных, обуреваемых дурными намерениями [Surugue, p. 25].

О том же вспоминали И.-А. Розенштраух, Ф. д'Изарн и другие иностранцы.

Вполне понятно поэтому, что 2 (14) сентября при подходе к Москве Великой армии к французскому командованию отправилась группа московских иностранцев, человек 20, в которую определенно входили книгопродавцы Рис и Сессе (Сосэ), лектор Московского университета Ф. Виллерс, назначенный позже обер-полицмейстером Москвы, и типографщик Ламур, а также некий француз, «директор кабинета естественной истории Москвы». Эти люди, гонимые страхом, спешили, как написал суб-инспектор смотров в кабинете начальника Главного штаба армии Наполеона П. П. Деннье, «прибегнуть к защите под нашими знаменами». По их словам, губернатор Москвы принял все меры к тому, чтобы население покинуло город, и что теперь «Москва не более чем пустыня». Эта депутация была приведена к императору. Наполеон, сразу поняв, кто перед ним, тем не менее, пожелал поговорить с одним из пришедших. Вызвался некто Ламур, француз, оставшийся в Москве в качестве временно управляющего типографией Н. С. Всеволожского вместо высланного Ф. В. Ростопчиным Августа (Огюста) Семена. Ламур, горячий поклонник Наполеона, был чрезвычайно рад чести говорить с императором. Но ему удалось произнести только несколько фраз, а именно сообщить о том, что москвичи, которыми «овладел панический страх при вести о торжественном приближении вашего величества», очистили город в несколько дней, в то время как Ф. В. Ростопчин «решился уехать только 31 августа...» Здесь Наполеон прервал Ламура восклицанием: «Прежде сражения! Что за сказки!» Затем, повернувшись спиной к типографщику, явственно произнес: «Дурак» [Корбелецкий, с. 26; Denniée, р. 88–89; Soltyk, р. 269—270 etc.]. Этот диалог оказался чрезвычайно примечательным: Наполеон был не в состоянии понять поведение не только русских жителей Москвы, но и московских французов. Дело в том, что Ламур, уже долго живший в Москве, привык к юлианскому календарю, в то время как Наполеон, возможно, и слышавший о разнице между западноевропейским и русским календарями, не считал нужным принимать это во внимание.

Оставшееся в Москве русское население, несмотря на стычку авангарда И. Мюрата с пьяной толпой возле Кремля, пыталось в первый день найти контакт с новыми хозяевами столицы.

Я оказался один среди дюжины русских, которые меня не понимали. Они дали мне хорошего вина и ужин, и я устроился на ночлег в этом уединенном жилище...

– записал в дневник Э. В. Э. Б. Каstellан, адъютант Л. М. Ж. А. Нарбонна, генерал-адъютанта императора, ворвавшийся в один из домов [Castellane, р. 154]. Старался угодить И. Мюрату и его свите С. Соков, приказчик крупного предпринимателя И. Р. Баташева, принимая неаполитанского короля в доме своего хозяина. После того как И. Мюрату показали дом, он откушал один в «красной гостиной».

Ему приготовили сытный обед, к которому, по причине отсутствия белого хлеба и калачей, отобрали у дворовых детей четверть сайки. Свите короля ужин подавали «в столовой и в зале». Генералы и офицеры свиты, вначале категорически отказавшись от черного хлеба, требовали белого, но потом все же «были вынуждены смириться со своей тяжелой судьбой...» [Письмо приказчика Сокова, с. 0218–0219].

Пыталось найти общий язык с оккупантами и русское простонародье:

...Пришел ко мне мой родственник и говорил мне, что французы вошли самым благовидным образом, и что один французский офицер говорил со мной весьма ласково, и потчевал арбузом, за который он заплатил столько, сколько требовал лавочник...

– вспоминал неизвестный автор записки о московском пожаре [Долгова, с. 35]. Кое-кто из простонародья пытался даже установить с французами в первый же день «деловые отношения». Су-лейтенант Ж. Комб и его друг Паскаль, служившие в 8-м конно-егерском полку, въехав в Москву с северо-запада, встретили старуху. Одной рукой она остановила коня Ж. Комба, в то время как другой придерживала край своего фартука. Криками и жестами она предложила взять его содержимое. Ж. Комб нагнулся, запустил руку в фартук и вытащил оттуда печеную грушу. Су-лейтенант мечтал отнюдь не о таком угощении. Груша с презрением была брошена назад [Французы в России, т. 1, с. 189].

Радушно встречали французов московские проститутки. И.-А. Розенштраух вспоминал, что в дом его друга Г. Чермака вошли восемь французов,

остальные распределились по прочим домам. Сейчас же показались жившие в нашем переулке уличные девки и так по-свойски вели себя с этими чужеземными гостями, как будто они всегда были знакомы – хотя и не умели с ними говорить [Розенштраух, с. 233].

Вечером 2 (14) сентября в Москве начался пожар. Первые поджоги и взрывы были организованы переодетыми в гражданское платье чинами полиции, оставшимися в городе по приказу Ф. В. Ростопчина. Смену настроений среди чинов Великой армии 15 сентября хорошо отразило письмо ее главного хирурга Д. Ж. Ларрея, написанное в тот день жене. Он писал, что французы надеялись после «ужасной битвы» 7 сентября, во время которой, по его мнению, погибло более 30 тыс. русских, что те попросят мира, но они, как видно, предпочитают, чтобы их убивали, или же скрываются в лесах вместе с медведями. Впрочем, заметил Ларрей далее, существует большое сходство, физическое и моральное, между этими людьми и дикими зверями, поэтому почти все вельможи имеют нескольких прирученных зверей, они едят и спят вместе. «Суди о приятном обществе! О, этот отвратитель-

ный народ, как мне не терпится скорее расстаться с ним», – закончил главный хирург [Lettres inedites, l. 23–24].

В тот же день, миновав Тверскую заставу, отправился к центру Москвы капитан Э. Лабом. По мере продвижения к Кремлю он все чаще встречал настоящие толпы жителей и солдат, которые обменивались и торговали награбленными вещами. Своего рода эпицентром грабежа и торговли оказался Гостиный двор, который продолжал гореть и вокруг которого суетилось множество солдат и московского простонародья, отбиравших наиболее ценное и бросая на землю то, что либо нельзя было унести, либо представлялось им менее ценным. При этом не было слышно никаких восклицаний, раздавался только треск от огня и стук разбиваемых дверей: грабившие «работали» предельно сосредоточенно [Labaume, p. 149].

4 (16) сентября начальник Главного штаба Великой армии Л. А. Бертье издал приказ, в котором говорилось:

...Многие русские солдаты продолжают бегать по улицам, и их арестовывают при поджоге домов... Все русские солдаты, которые будут встречены на улицах, подлежат смерти [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 358. Л. 1].

И это не помогло. Секретарь-архивист Наполеона Ф. Ж. Ф. Фэн вспоминал те часы:

В Кремле воцарилось мрачное молчание, которое прерывалось только Восклицанием «Вот как они ведут войну! Цивилизация Петербурга нас обманула; они все еще остаются скифами» [Fain, p. 88].

Город – как горящие кварталы, так и те, которые не были охвачены огнем, – погрузился в хаос. Еще 3 (15) сентября сгорело здание Кудринского вдовьего дома (ныне Садово-Кудринская, 1). Его смотритель Н. Ф. Мирицкий в рапорте, составленном 27 ноября 1812 г. (по старому стилю), сообщал:

...Попечение в несчастном случае имел я, и при мне были писарь и один инвалидной солдат, а протчия вольнонанятые караульщики по вступлении неприятеля от страху разошлись; при раненых же и больных никаких чиновников и служителей не оставалось, и никаких невозможно было приложить способов к збережению Дома по великому числу зажигателей, которые не только вместе с зажигательством грабили, но и смерть наносили противящимся, сверх коих непрестанные толпы грабителей и крови жаждущих неприятелей шатались по всем местам, причем и я с семейством лишился всего моего имущества, подвергался опасности жизни, и в правую ногу в двух местах тесаком проколон, равномерно горестную участь имел и писарь Матвей Антонов с инвалидным солдатом Макаровым. <...> Так как никаких прислужников не было

при раненых и больных, то и неизвестно, какое число оных оставалось во Вдовьем доме, а примерно можно положить до 1500 человек, из коих 800, имевшие хотя малые силы, спаслись от гибели при пожаре. Кой во время пожара вышли на двор и в сад и в продолжении нескольких дней разошлись в разные стороны, поелику они оставались без всякого пропитания, а остальные до 700 человек сделались жертвою пламени, будучи не в силах спастись [Москва и Отечественная война, с. 49–50].

Подобные жуткие сцены имели место и в Спасских казармах (ныне Садово-Спасская ул., 1), где оказалось до 5 тыс. раненых.

Всюду происходил разнузданный грабёж, активное участие в котором принимали как наполеоновские солдаты, так и московские люмпены, сбежавшие уголовники и брошенные на произвол судьбы раненые русские солдаты. 4 сентября приказчик И. Р. Баташева М. Соков вместе с дворней бежал из господской усадьбы «через Язузу на Хованскую горку». Он писал:

Здесь, к ужасу, усмотрели беглых и раненых русских солдат или мародеров и после узнали, что они жили грабежом проходящих; однако как нас было много, то и не смогли до ночи нас грабить. Мы, отделяясь от всех и посадив в гряды капусты детей и жен, стояли вокруг их на карауле и через четверть часа услышали стонущего человека за сто шагов от нас. Часть наших ребят туда побежали и увидели, что русские раненые и беглые солдаты не только ограбили бедного обывателя, руки и ноги переломили, но и старались убить до смерти. Видя это, наши возвратились и просили позволения отомстить убийцам. Я, прибавив к ним еще несколько человек, отправился с дубьем в руках к укrywшимся разбойникам. Мы нашли 12 человек, лежавших в траве и кустах с подвязанными руками и с связанными головами; тут же были и те самые, которые только что ограбили и убили обывателя. Ребята мои, озлобясь, ударили в дубье, и мнимо раненые вскочили, хотели бежать, но были жестоко прибиты. После поля сражения мы нашли в воде, поросшей осокою, разного платья и прочих вещей, награбленных разбойниками, воза два [Письмо приказчика Сокова, с. 0222–0223].

Особенно уязвимыми как потенциальные и реальные жертвы грабежей стали московские иностранцы. А.-И. Розенштраух писал, что в те дни его знакомые г-н Кнауф и его жена были вчистую ограблены, «чему более всего способствовали их фабричные рабочие» [Розенштраух, с. 235].

Те из иностранцев, которые своевременно побеспокоились о испрашивании защиты от оккупационных властей, оказались в более благоприятном положении. Так, церковь Святого Людовика удалось спасти от огня благодаря роте фузилеров-гренадеров, после чего вокруг нее стало скапливаться множество иностранцев-католиков [Sugue, p. 35–36]. Но и «московские французы» не всегда находили

защиту у наполеоновских солдат. В ответ на просьбы Ф. д'Изарна о защите французский генерал заявил ему:

«Какое мне дело, что вы французы!.. Что вы здесь делаете? Разве какой-нибудь (собака) француз не присоединится к нам! Вы эмигранты!» Вот чем меня угощали каждый день раз двадцать... [д'Изарн, ст. 1423].

Именно на эти дни – 3 (15), 4 (16) и 5 (17) сентября – приходится большинство свидетельств о насилиях оккупантов над женщинами. Неизвестный московский обыватель, дом которого сгорел, а сам он с матерью оказался в каком-то подвале, 4 (16) сентября был свидетелем, как наполеоновский солдат «старался всячески обольстить» девицу, бывшую там, «но не имел успеха; обратил мысли свои на служанку, оставя девицу, взял ее и делал удовлетворение своим прихотям» [Долгова, с. 43]. В тот же день, 4 (16) сентября, неприятельские солдаты надругались над молодой монахиней в Алексеевском монастыре [Толычева, 1912, с. 104]. «Повторены здесь ужасные сцены робеспьерова времени, – писал неизвестный чиновнику Петербургского почтамта И. П. Оденталю. – Девочки 10 лет изнасилованы на улицах» [Дубровин, с. 252].

6 (18) сентября Наполеон возвратился в Кремль. Его суждения в отношении возможностей установления контактов с оставшимися жителями русской столицы резко изменились по сравнению с первыми днями пребывания в Москве. Он отдает приказы, санкционирующие организованный грабеж города. По этой причине наступает период еще большего отчуждения между жителями Москвы и оккупировавшими ее войсками, чем было ранее. Те французские военачальники, которые в начале оказывали помощь и защиту русскому населению, стали бояться это делать. Игуменья Зачатьевского монастыря, слышавшая о благородстве некоего «барона Таулета» (Речь идет об О. Ф. Талюэ-Бонамуре (Talhouet-Vonamour), шефе эскадрона, произведенном 4 октября 1812 г. в полковники 6-го конно-егерского полка [Quintin, p. 815]), «который стал известен в городе своим милосердием» и «защитил наших от грабежа и насилий», просила его оградить от разграбления монастырь. О. Ф. Талюэ на это ответил:

Я сделаю все, что зависит от меня, но должен вас предупредить, что я действую незаконно. Сегодня гвардия получила разрешение грабить [Толычева, 1912, с. 100; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 212 об. – 213].

Между тем, 8 (20) сентября Наполеон в поисках мира готовит письмо к Александру I. 12 (24) сентября состоится заседание Военной комиссии по делу «поджигателей», благодаря чему Наполеон решил отвести любые подозрения об ответственности его армии в организации поджогов. В тот же день будет организован и Московский муниципалитет, призванный навести в городе хотя бы видимость порядка

и прекратить грабежи. Наступит своего рода «классический период» оккупации Москвы, продлившийся до выхода основной части наполеоновской армии 6(18)–7(19) октября.

Итак, серьезные различия в действиях отдельных в социальном плане групп московского населения проявились уже накануне оставления русскими войсками первопрестольной. Если верхи общества постарались город покинуть, оставив свою челядь для охраны имущества, то представители средних слоев, включая иностранцев, далеко не все могли это себе позволить. Их задерживала в городе прежде всего необходимость сберечь дом и скарб, но также и семейные обстоятельства, а нередко и чувство профессионального и общественного долга. Еще менее имели возможности, а то и желания выехать низы русской столицы, настроения которых быстро менялись от патриотической экзальтации, соединенной с пьянством и грабежами, до открытой враждебности к предавшим их власти и «господам». Особую категорию составляли больные и раненые русские солдаты, часть из которых, будучи нетранспортабельными или просто «забытыми» и оставленными на произвол оккупантов, должны были смириться с жестокостью своей судьбы, либо, имея возможность передвигаться, заняться разбоем и мародерством.

Смысл действий московского градоначальника во многом определялся стремлением воздвигнуть непреодолимую преграду между подошедшими к Москве солдатами Европы и теми, кто оставались в первопрестольной.

Действительно, грандиозный пожар, начавшийся вечером 14 сентября, и сопровождавшие его грабежи и насилия расстроили завязавшиеся было контакты между оккупантами и местным населением. Однако далее перед Наполеоном с неизбежностью вставала задача вступления в контакт с русским императором Александром, а перед остававшимися в Москве жителями – спасения своих жизней и оставшегося имущества. Это и предопределило особенности дальнейших межкультурных контактов и даже кросскультурного диалога.

Список литературы

- Андреев А. Ю.* «Я служил городу, а не врагу» // Ист. архив. 1997. № 3. С. 44–53. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842.
- Бестужев-Рюмин А. Д.* Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году // Русский архив. 1896. № 7. Кн. 2. С. 341–365.
- Бургонь А.-Ж.-Б.* Мемуары. М.: Наследие, 2003. 176 с.
- ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 155. Ед. хр. 109, 110; Ф. 160. Ед. хр. 198, 199.
- Долгова С. Г.* Неизвестное свидетельство о московском пожаре 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. 1998 г.: материалы VII всерос. науч. конф. Бородино: Б. и., 1999. С. 30–52.
- Домерг А.* Воспоминания о России // Исторический вестник. 1881. № 6. С. 343–363; № 7. С. 596–628; № 8. С. 862–887; № 9. С. 158–184; № 11. С. 620–641; № 12. С. 807–821. № 12. С. 816.
- Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2006. 671 с.

- Жданов П.* Памятник французам, или Приключения Московского жителя П... Ж... СПб. : Тип. И. Байкова, 1813. 55 с.
- Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. М. : Книга, 2010. 138 с.
- Изарн Ф. д'* Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // Русский архив. 1900. № 11. Ст. 1406–1462.
- Клаузевиц К.* 1812 год. М. : Штрихтон, 1997. 212 с.
- Козловский Г. Я.* Москва в 1812 году, занятая французами : Воспоминания очевидца // Русская старина. 1890. № 1. С. 105–114.
- Кольчугин Г. Н.* Записки о 1812 годе московского гофмаклера Г. Н. Кольчугина // Русский архив. 1879. № 9. С. 45–60.
- Корбелецкий Ф. И.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву... СПб. : Типография Департамента внешней торговли, 1813. 85 с.
- Мартин А.* Москва в 1812 году и судьба имперского социального проекта // Новое лит. обозрение. 2012. № 6 (118). С. 114–142.
- Мартин А.* Просвещенный метрополис : Созидание имперской Москвы, 1762–1855. М. : НЛО, 2015. 464 с.
- Москва и Отечественная война 1812 г. : в 2 кн. М. : Изд-во Глав. архив. управления Москвы, 2011. Кн. 2. 640 с.
- Наполеон в России глазами русских. М. : Захаров, 2004. 320 с.
- Отечественная война и русское общество : в 7 т. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 4. 352 с.
- Перовский В. А.* Из записок покойного В. А. Перовского // Русский архив. 1865. Ст. 1031–1058.
- Письмо приказчика М. Сокова к И. Р. Баташову (сентябрь 1812 г.) // Русский архив. 1871. № 6. С. 0218–0228.
- Попов А. Н.* Французы в Москве в 1812 году. М. : Тип. Грачева, 1876. 185 с.
- Рапорт Кавалергардского полка протоиерея Грацианского обер-священнику армии и флота И. С. Державину // Русский архив. 1865. Ч. 4. С. 731–735.
- Розенштраух И.-А.* Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля / вступит. ст. и коммент. А. Мартина. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 296 с.
- Роос Г.* С Наполеоном в Россию. М. : Сфинкс, 1912. XI, 334, IV с.
- РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 239–243, 245–254, 259–264, 266–270, 273–274, 278, 285.
- РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 358, 3605. Ч. 1–2.
- Семевский В. И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войною // Отечественная война и русское общество : в 7 т. М. : Тов-во И. Д. Сытина, 1911–1912. Т. 5. 1912. С. 74–113.
- Тартаковский А. Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. 92. М. : Наука, 1973. С. 356–379.
- Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Катков и К., 1872. 54 с.
- Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 115 с.
- Французы в России : 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. М. : Задруга, 1912. Ч. 1. VIII, 200 с.
- ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563–564.
- Шукин П. И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. : в 10 ч. М. : Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1897–1908.
- Castellane E. V. E. B.* Journal : in 3 t. Paris : Plon Nourrit, 1895. Т. 1. V, 477 p.
- Denniee P. P.* Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Paris : S. n., 1842.
- Domergues A.* La Russie pendant les guerres de l'Empire : in 2 t. Paris : A. Bertran, 1835.
- Fain A. J. F.* Manuscrit de 1812 : in 2 t. Paris : Dulaunay, 1827. Т. 2. 495 p.
- Fantin des Odoards L. F.* Journal. Paris : Plon, 1895. 515 p.
- Labauume E.* Relation circonstancié de la campagne de Russie en 1812. Paris : Arléa, 2001. 325 p.
- Lettres inédits du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160. Ед. хр. 291.
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S. E. M. Goriainow. Paris : La Sabretache, 1913. XVI + 440 p.
- Quintin D. et B.* Dictionnaire des Colonels de Napoleon. Paris : SPM, 1996. 978 p.

Soltyk R. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris : A. Bertrand, 1836. II, 464 p.

Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R. P. Libercier. M. : F. Tastevin, [1909]. 72 p.

Zemtsov V. N. The Fate of the Russian Wounded Abandoned in Moscow in 1812 // J. of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28. Iss. 3. P. 502–523.

References

Andreev, A. Yu. (1997). “Ya sluzhil gorodu, a ne vragu” [“I Served the City, not the Enemy”]. In *Istorichesky arkhiv*, 3, pp. 44–53.

Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 133. List 468. Dossier 1842.

Bestuzhev-Ryumin, A. D. (1896). *Kratkoe opisanie proisshestviyam v Moskve v 1812 godu* [A Short Account of the Moscow Events in 1812]. In *Russky arkhiv*, 7, Book 2, pp. 341–365.

Burgon', A.-Zh.-B. (2003). *Memuary* [Memoirs]. 176 p. Moscow, Nasledie.

Castellane, E. V. E. B. (1895). *Journal : in 3 t.* Vo. 1. V, 477 p. Paris, Plon Nourrit.

Denniée, P. P. (1842). *Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812*. 212 p. Paris, Paulin.

Dolgova, S. G. (1999). *Neizvestnoe svidetel'stvo o moskovskom pozhare 1812 g.* [Unknown Account of the Moscow Fire of 1812]. In *Otechestvennaya voyna 1812 goda : Istochniki. Pamyatniki. Problemy*. 1998 g. : materialy VII vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (pp. 30–52). Borodino.

Domergue, A. (1881). *Vospominaniya o Rossii* [Recollections of Russia]. In *Istorichesky vestnik*, 6, pp. 343–363; 7, pp. 596–628; 8, pp. 862–887; 9, pp. 158–184; 11, pp. 620–641; 12, pp. 807–821, 816.

Domergue, A. (1835). *La Russie pendant les guerres de l'Empire : in 2 t.* Paris, A. Bertran.

Dubrov, N. F. (2006). *Otechestvennaya voyna v pis'makh sovremennikov (1812–1815 gg.)* [The War of 1812 in the Letters of Contemporaries]. 671 p. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.

Fain, A. J. F. (1827). *Manuscrit de 1812 : in 2 t.* Vol. 2. 495 p. Paris, Dulaunay.

Fantin des Odoards, L. F. (1895). *Journal*. 515 p. Paris, Plon.

Frantsuzy v Rossii : 1812 god po vospominaniyam sovremennikov-inostrantsev : v 3 ch. [The French in Russia : The Year of 1812 according to Non-Russian Contemporaries]. (1912). Part 1. VIII, 200 p. Moscow, Zadruga.

Goriainov, S. E. M. (Publ.). (1913). *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. XVI, 440 p. Paris, La Sabretache.

Gosudarstvennyy istorichesky muzey [The State Historical Museum]. Otdel pis'mennykh istochnikov. Stock 155. Coll. item 109, 110; Stock 160. Coll. item 198, 199.

Izarn, F. d' (1900). *Vospominaniya moskovskogo zhitelya o prebyvanii frantsuzov v Moskve v 1812 godu* [Recollections of a Moscow Dweller about the French in Moscow in 1812]. In *Russky arkhiv*, II, Col. 1406–1462.

Klauzevits, K. (1997). *1812 god* [The Year of 1812]. 212 p. Moscow, Shtrikhton.

Kozlovsky, G. Ya. (1890). *Moskva v 1812 godu, zanyataya frantsuzami : Vospominaniya ochevidtza* [Moscow in the Year of 1812, Occupied by the French : Memories of a Witness]. In *Russkaya starina*, I, pp. 105–114.

Kol'chugin, G. N. (1879). *Zapiski o 1812 gode moskovskogo gofmaklera G. N. Kol'chugina* [Notes on the Year of 1812 by Moscow Court Broker G.N. Kolchugin]. In *Russky arkhiv*, 9, pp. 45–60.

Korbeletsky, F. I. (1813). *Kratkoe povestvovanie o vtorzhenii frantsuzov v Moskvu...* [A Short Account of the French Invasion of Moscow...]. 85 p. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta vneshney trgovli.

Labauve, E. (2001). *Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812*. 325 p. Paris, Arléa.

Martin, A. (2012). *Moskva v 1812 godu i sud'ba imperskogo sotsial'nogo proekta* [Moscow in 1812 and the Fate of the Imperial Social Project]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6 (118), pp. 114–142.

Martin, A. (2015). *Prosveshchennyy metropolis : Sozidanie imperskoy Moskvy, 1762–1855* [Enlightened Metropolis. Constructing Imperial Moscow. 1762–1855]. 464 p. Moscow, NLO.

- Moskva i Otechestvennaya vojna 1812 g. : v 2 kn.* [Moscow and the War of 1812]. (2011). Book 2. 640 p. Moscow, Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya Moskvy.
- Napoleon v Rossii glazami russkikh* [Napoleon in Russia as Seen by Russians]. (2004). 320 p. Moscow, Zakharov.
- Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The Department of Written Sources of the State Historical Museum]. Stock 160. Coll. item 291 (Lettres inedites du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie).
- Otechestvennaya vojna i russkoe obshchestvo : v 7 t.* [The War of 1812 and Russian Society : 7 Vols.]. (1912). Vol. 4. 352 p. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina.
- Perovsky, V. A. (1865). *Iz zapisok pokoynogo V. A. Perovskogo* [Excerpts from Late V. A. Petrovsky's Notes]. In *Russky arkhiv*, Col. 1031–1058.
- Pis'mo prikazchika M. Sokova k I. R. Batashovu (sentyabr' 1812 g.)* [A Letter from Clerk M. Sokov to I. R. Batashov]. (1871). In *Russky arkhiv*, 6, pp. 0218–0228.
- Popov, A. N. (1876). *Frantsuzy v Moskve v 1812 godu* [The French in Moscow in 1812]. 185 p. Moscow, Tipografiya Gracheva.
- Quintin, D. et B. (1996). *Dictionnaire des Colonels de Napoleon*. 978 p. Paris, SPM.
- Raport Kavalergardskogo polka protoiereya Gratsianskogo ober-svyashchenniku armii i flota I. S. Derzhavinu* [Report of the Horse Guards by Archpriest Gratsiansky to Ober-priest of the Army and Navy I.S. Derzhavin]. (1865). In *Russky arkhiv, Part 4*, Col. 731–735.
- Roos, G. S. (1912). *S Napoleonom v Rossiyu* [To Russia with Napoleon]. XI, 334, IV p. Moscow, Sfinks.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 30. List 1. Dossier 239–243, 245–254, 259–264, 266–270, 273–274, 278, 285.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military and Historical Archive]. Stock 151. List 1. Dossier 92. Stock 846. List 16. Dossier 358, 3605. Part 1–2.
- Rosenstrauch, J. A., (Martin, A. (Foreword)). (2015). *Istoricheskie proisshestviya v Moskve 1812 goda vo vremya prisutstviya v sem gorode nepriyatelya* [Historical Events in Moscow in 1812 at the Time of the Enemy's Presence in This City]. 296 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Semevsky, V. I. (1911). *Volneniya krest'yan v 1812 g. i svyazannye s Otechestvennoy voynoyu* [Peasants' Uprising in 1812 Connected with the Patriotic War]. In *Otechestvennaya vojna i russkoe obshchestvo : v 7 t.* Vol. 5, pp. 74–113. Moscow, T-vo I. D. Sytina.
- Shchukin, P. I. (1897–1908). *Bumagi, otnosyashchiesya do Otechestvennoy voyny 1812 g. : v 10 ch.* [Papers Remaining from before the 1812 Patriotic War]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova.
- Soltyk, R. (1836). *Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie*. II, 464 p. Paris, A. Bertrand.
- Surugue, A. (Libercier, R. P. (Publ.)). (1909). *Mil huit cent douze. Les Français à Moscou*. 72 p. Moscow, F. Tastevin.
- Tartakovskiy, A. G. (1973). *Naselenie Moskvy v period frantsuzskoy okkupatsii 1812 g.* [The Population of Moscow during the French Occupation of 1812]. In *Istoricheskie zapiski*, 92, pp. 356–379. Moscow, Nauka.
- Tolycheva, T. (1872). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 54 p. Moscow, Katkov i K.
- Tolycheva, T. (1912). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 115 p. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko.
- Tsentrallyy istoricheskiy arkhiv Moskvy* [The Central Historical Archive of Moscow]. Stock 46. List 8. Dossier 563–564.
- Zemtsov, V. N. (2015). The Fate of the Russian Wounded Abandoned in Moscow in 1812. In *Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 28, Iss. 3, pp. 502–523.
- Zemtsov, V. N. (2010). *1812 god. Pozhar Moskvy* [The Year of 1812. The Moscow Fire]. 138 p. Moscow, Kniga.
- Zhdanov, P. (1813). *Pamyatnik frantsuzam, ili Priklucheniya Moskovskogo zhitelya P... Zh...* [A Monument to the French or The Adventures of a Moscow Dweller P. Zh.]. 55 p. St. Petersburg, Tipografiya I. Baykova.